

Астафьев Виктор

30.04.99

Чем крупнее писатель, тем больший дискомфорт (наряду с эстетической радостью) он вносит в жизнь: будоражит читателей, дразнит критиков и собратьев по перу, раздражает начальство. Разрушает сладкие иллюзии и привычные мифы, произносит "некстати" горькую правду... И ведь никто его об этом не просит, а он вламывается в наш душевный уют, как слон в посудную лавку. Он не вписывается в наш игрушечный интерьер, как концертный рояль не вмещается в комнату гостиничного типа. Без больших писателей вообще живется спокойнее.

«НЕУДОБНЫЙ» ПИСАТЕЛЬ

Помню, в застойно-застольные годы, когда повсюду красовались лозунги, прославляющие КПСС, Астафьев не скрывал своего отношения к большевикам. А когда все мы дружно превращали Сибирь в «край высокой культуры», Астафьев опубликовал статью «Мусор под лестницей», где ткнул нас носом в этот мусор. Да и позднее, в бурные перестроечные и смутные постсоветские времена, Астафьев оставался «неудобным» и непредсказуемым. Он, конечно, мог ошибаться, но всегда дорожил своей внутренней свободой.

Кстати, много лет назад, выступая на встрече с читателями, на вопрос «Как стать свободным?» он ответил: «Начните с того, что если вам не хочется улыбаться начальнику — не улыбайтесь». На той же встрече он погладил против шерсти воинственных патриотов: «Уходим из Афганистана с позором, а делаем вид, что с доблестью». О начавшихся уже в ту пору скандальных распрях в писательской среде рубанул с солдатской прямоотой: «Агрессивные рабы. Разрешили бодаться, а рогов нет».

Впрочем, читателям он тоже никогда не льстил, не угодничал перед ними. Не случайно поэтому и сегодня встречаются недовольные, разочарованные, обиженные им читатели — особенно из числа стариков, не желающих расставаться с имперским прошлым. Только не надо преувеличивать число этих оппонентов — друзей у Астафьева намного больше, достаточно ознакомиться с его почтой.

Такие «неудобные» люди, как Астафьев, очень даже необходимы для поддержания в обществе должной нравственной атмосферы. Чтобы все мы, писатели и читатели, не расслабились, не забывались, не опускались. Чтобы хамы и интриганы вели себя хоть с какой-то оглядкой.

РЯДОВОЙ АСТАФЬЕВ

«Успокоения хочется, хоть какого-нибудь успокоения. Но нет его даже во сне. И во сне мучаюсь я, спрячусь от взрыва и где-то за полночь начинаю с ужасом понимать: это уже не та война, от теперешних взрывов не спрятаться, не укрыться...»

Эти слова из «Оды русскому огороду» запомнились мне давно, еще задолго до знакомства с Виктором Петровичем. А встретился с ним впервые я в восьмидесятом, на квартире у Ивана Маркеловича Кузнецова, знаменитого красноярского книголюба, царствие ему небесное. Помню первое впечатление от Астафьева: сгусток энергии, страстность, порой нетерпимость, резкость в суждениях.

В Писании сказано: будь холоден или горяч, но будь теплым. Большинство из нас, согласитесь, тепленькие. А тут — кипятик. Крутой мужик. Многое в нем понравилось сразу, но многое душа откликнулась безоговорочно — например, меня тронуло, как он истово декламировал стихи Фета, Гумилева (тогда еще, кстати, «не разрешенного»). Кое-что и смущало, например, грубоватые шуточки. Некоторые оценки казались слишком категоричными, похожими на приговор. Но подкупало отсутствие равнодушия. И особенно меня поразило нестандартное, очень личное и мужественно последовательное отношение Астафьева к теме войны.

Примерно тогда же я прочитал его «Пастуха и пастушку». Ничего более поэтичного, трогательного и

что беседовать будем о жизни, о литературе, о чем угодно, но только не об осточертевшей политике.

По поводу предстоящих юбилейных торжеств Виктор Петрович заметил, что заранее испытывает чувство неловкости — «возникает желание спрятаться». Но как тут спрячешься... То краевой семинар молодых писателей, то премьера балета «Царь-рыба», то турнир по футболу среди детских команд на «Кубок Астафьева».

— Удовольствие невероятное — смотреть на этих ребятшек! — признался он. — И что интересно: как только надели форму, так сразу и дисциплина...

На мою шутивную просьбу «отчитаться» о том, что им сделано за

— А когда начали печататься?

— В 1951 году, в газете «Чувской рабочий». А первая книга «До будущей весны» вышла в 53-м, это был сборник рассказов. Беспомощные, слабые рассказы, из них я обычно переиздаю только один. В Союз писателей меня приняли в 58-м году, после того, как в Свердловске была издана повесть «Перевал», а в Москве вышел сборник детских рассказов.

— Кого вы могли бы назвать своими учителями — и в жизни, и в литературе?

— Прежде всего это Игнатий Рождественский, он рожден был поэтом, и меня очень многому научил. Позднее в Перми — Борис Никандрович Назаровский, главный

— На днях исполнилось сто лет со дня рождения Владимира Набокова. Помнится, вы как-то рассказывали, что были на его могиле.

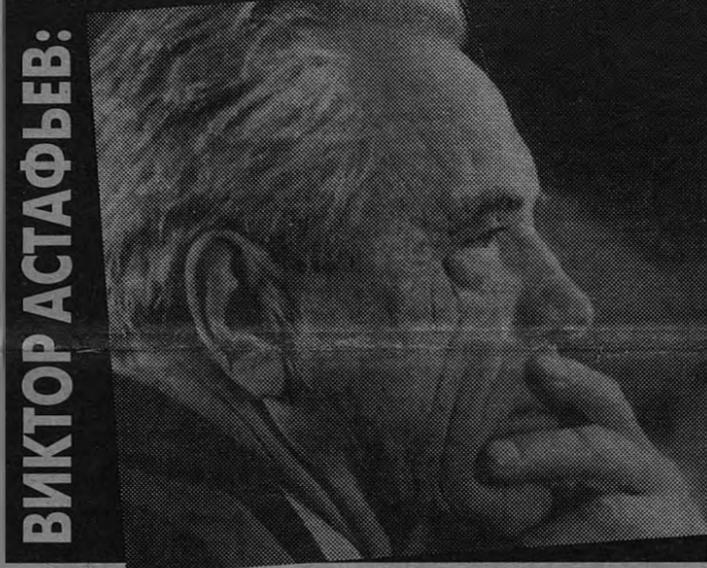
— Да, лет пять назад, в Швейцарии, я был на кладбище в Монтре, где он похоронен. Очень талантливый писатель, его «Лолиту» я читал с интересом. Но Набоков — тоже не мой писатель, чужой мне — своим эстетством, всем строем речи...

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

— Неблагодарность — самый тяжкий грех перед Богом, — говорит Астафьев. — Приезжаю в Овсянку, там все цветет... Весна,

ДО СИХ ПОР УЧУСЬ НА ПИСАТЕЛЯ

ЗАВТРА ЗНАМИТОМУ ПРОЗАИКУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 75 ЛЕТ

ВИКТОР АСТАФЬЕВ:

трагичного о любви, погубленной войной, я до этого не читал. А позднее появился роман «Прокляты и убиты», по поводу которого сшибались самые разные мнения. «Поспорил я как-то с одним бывшим военачальником, — рассказывал мне Астафьев. — Он доказывал: мол, все не так было, совсем не такая была война... И ведь по-своему он прав! Я ему говорю: просто мы с вами в разных армиях служили, по-разному и войну видели. Я рядовым, из окопов, а вы...»

А не обидно, что в звании вас не повысили, — спросил я как-то. — Теперь вот писатель с мировым именем, знаменитость, а тогда — рядовой солдат.

— Когда мой сын был совсем еще мальчишкой, то однажды спросил меня: «Папа, ты даже сержантом не был?» «Не был, — говорю, — сынок. Рядовой я». А он в слезы. Обидно, что папка — простой рядовой...

— Необходим ли опыт войны для писателя?

— Жизнь, проживаемая человеком, — и есть его опыт. Но самый тяжелый опыт — война. И надо постоянно напоминать о ней людям, чтобы не забывали. Надо не героическую войну показывать, а пугать — ведь война отвратительна! Самое страшное — привычка к смерти. Хотя надо постоянно приговариваться к смерти, но ни в коем случае нельзя привыкать к ней. А вообще лучше и не думать, и не говорить, и не писать о смерти... Мысли прилипчивы! Пастернак говорил Евгению Евтушенко: «Вы, молодой человек, напрасно балуетесь со словом «смерть» — есть вещи, которых всеу казаться нельзя».

БЕЗ ПОЛИТИКИ

Встретившись незадолго до юбилея, мы сразу договорились,

последнюю «пяtilетку», Астафьев перечислил основное:

— Написал три повести о войне — «Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат». Эти повести исчерпали ту тему, которую я начал развивать в романе «Прокляты и убиты», так что роман продолжать не буду. Но, пожалуй, самое важное из сделанного за эти годы — это собрание сочинений, изданное в Красноярске. Главное — сам все прокомментировал, теперь хоть не будут врать. Ежегодно по три-четыре книги выходило. Сейчас в производстве пять книг. К юбилею в Иркутске должны выйти книга повестей «Веселый солдат», в издательстве «Терра» — роман «Прокляты и убиты», а в Красноярске, в издательстве «Платина» — сборник «Затесей», старых и совсем новых, написанных этой зимой. Повесть «Веселый солдат» выйдет также отдельной книгой, как ежегодная премия от международного Литфонда «За честь и достоинство таланта». Еще выходили книги в Минске, во Франции, в Китае, в издательствах «Детская литература», «Вагриус». За эту же «пяtilетку» церковь в Овсянке открыли, дважды провели «Литературные чтения». Теперь больше их проводить не буду, если только Министерство культуры не возьмет на себя... Надоело упрашивать и деньги выпрашивать.

— На пороге юбилея принято вспоминать о начале творческого пути. Когда вы впервые почувствовали в себе призвание писателя?

— Неосознанно, — в детстве, в Игарке. Я начинал со стихов: «Игарка, Игарка. Ты город полярный, на севере вырос среди холодов...» Ну а если всерьез... Как человек, долго унижаемый, я был всегда в себе не уверен, и писателем себя почувствовал, пожалуй, только на Высших литературных курсах, в 1961 году.

редактор книжного издательства, и Клавдия Васильевна Рождественская, секретарь местного отделения Союза писателей. Они меня опекали, поддерживали. Ну и, конечно, прекрасный критик Александр Николаевич Макаров, которому я посвятил книгу «Зрячий посох».

— Не жалеете, что не довелось учиться в университете?

— Жалею. Жалею, что не знаю иностранных языков, не получил настоящего образования. Я бы учился хорошо! Писателю надо обязательно знать два-три языка. Ощущение своей неполноценности, безграмотности — оно остается. Я страшно завидую молодым, которые имеют возможность учиться. Другое дело, что некоторые из них перегружены поверхностными знаниями... А мне всю жизнь приходится добирать самообразованием. Я до сих пор учусь на писателя! Я знаю, что многое так и не выразил из того, что кипело, бурлило во мне...

— Кто из русских писателей вам наиболее близок? Впрочем, попробую угадать... Пушкин? Гоголь?

— Пушкин для меня — как воздух, которым дышишь. А Гоголь у нас до сих пор не прочитан как следует. Грядущий век откроет его по-настоящему. Гоголь — это бездна! Вчера наткнулся у него в «Ночи перед Рождеством» на поразительную строчку, где летит Вакула, а навстречу ему — метла, «на которой, видно, только что съездила, куда нужно, ведьма»... Или в «Мертвых душах» — «взлетел петух с расклеванной до мозга головой по причине волокитства»... Это же бесовство! Тут просто руками разводишь...

— Ну а Чехов?

— Слишком тихий, интеллигентный Чехов — не мой писатель. Я люблю ярких, броских, люблю бесовщину. Чехова легко переводить, Пушкина — труднее, Лескова — еще труднее... Гоголя — почти невозможно перевести!

— Да, судьба настоящего писателя — это не бесконечный праздник. Писательство — жестокая отравка, сладкая каторга, вечная душевная маета. Народная примета вспоминается: «В мае родиться — век маяться...»

Впрочем, что это? Не берите в голову, Виктор Петрович. Живите долго. Пишите. И дай Вам Бог.

солнце, трава... За каждый прожитый день надо Бога благодарить. Не заболел — слава Богу. Дожил до утра — слава Богу. А уж до весны — тем более, слава Богу! Это мы, поганцы, портим мир, а сам мир не виноват, мир прекрасен. Если тебе хочется бегать со знаменем — бегай, только не вовлекай в это людей. Хочешь — читай книги, иди удить рыбу, шишку бить... Чего проклипать-то? Мол, власть не та... Власть такая, как ты! У Киплинга в стихах есть прекрасная заповедь: «Наполни смыслом каждое мгновение» — так и надо жить. А старость — обычное дело, чего ее бояться.

— Какой день в вашей жизни был самым счастливым?

— Зимой 1939 года в Игарке, когда я нашел на полу кинотеатра рубль и смог посмотреть фильм «Большой вальс».

— А самый несчастливый день?

— Когда умерли мои дочери...

— Довольны вы тем, как прожили эти годы?

— Хорошо, что не бездельничал, работал. Из безграмотного мужика куда-то продвинулся, занял свое место в литературе. И занял я это место своим трудом. Жизнь прожи не зря. У меня замечательная жена, которая никогда не требовала от меня больше, чем я есть. У меня есть мои читатели — знаю по письмам, по телефонным звонкам. Хочу написать новую повесть для детей, новую пьесу. Верю, что на бетоне должна родиться новая жизнь — она проникает и в литературу. Кстати, из благополучной жизни литература не рождается. А в России всегда хватало и страдающих, и мук...

Да, судьба настоящего писателя — это не бесконечный праздник. Писательство — жестокая отравка, сладкая каторга, вечная душевная маета. Народная примета вспоминается: «В мае родиться — век маяться...»

Впрочем, что это? Не берите в голову, Виктор Петрович. Живите долго. Пишите. И дай Вам Бог.

Эдуард РУСАКОВ.

ОЗОН — ТЕРАПИЯ XXI ВЕКА
В СОЧЕТАНИИ С СОВРЕМЕННЫМИ МЕТОДАМИ: ЛАЗЕРОТЕРАПИЕЙ, УЛЬТРАФИОЛЕТОВЫМ ОБЛУЧЕНИЕМ КРОВИ И ДРУГИМИ ПРЕДЛАГАЕТ
 САНАТОРИЙ «СОКОЛЬНИКИ» Московских профсоюзов без противопоказаний и независимо от возраста, амбулаторно и стационарно, лечение или улучшение состояния — при стенокардии, гипертонической болезни I—II ст., вегетодистонии, последствиях нарушения мозгового кровообращения, атеросклерозе сосудов конечностей I—IV стадии, варикозном расширении вен и язвах конечностей, гайморите, отите, пневмонии, бронхите и бронхиальной астме, бронхоэктолической болезни, пиелонефрите, язвенной болезни желудка, холецистите, циррозе печени, почечнокаменной и желчнокаменной болезнях, остеохондрозе с болевым синдромом, артрозах и артритах, в том числе ревматоидных; простатите и аденоме простаты без операции, эрозиях и воспалительных заболеваниях матки и придатков.
Тел. (095) 268-49-06. Адрес: 107014, Москва, 6-й Лучевой просек, 19. (м. «Сокольники»). Лицензия Серия ЦЛМД № 5614/5610